

— Ну, такъ докажите.

— Я только этого и прошу у васъ.

— Чего этого?

— Да позволенія доказать вамъ свою любовь.

— Ну, доказывайте.

— Вы вчера вечеромъ не такъ говорили.

— Вы мнѣ ничего не предлагали.

— Какъ глупо!

— Къ тому же вамъ слѣдуетъ обратиться не ко мнѣ.

— Вотъ такъ славно! а къ кому же?

— Да къ мамашѣ, разумѣется.

Онъ громко расхохотался.

— Къ вашей мамашѣ? Нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ забавно!

Она вдругъ стала очень серьезна и поглядѣла ему пристально въ глаза.

— Послушайте, Мюскадь, если вы въ самомъ дѣлѣ настолько меня любите, чтобъ жениться, то переговорите сначала съ мамашей, я вамъ дамъ отвѣтъ... потомъ.

Онъ опять подумалъ, что она надъ нимъ смѣется, и окончательно разозлился.

— Мамзель Иветта, вы меня принимаете за кого-то другого.

Она продолжала глядѣть на него пристально, не сморгнувъ. Наконецъ, запинаясь, проговорила:

— Я все-таки васъ не понимаю.

Тогда онъ сказалъ рѣзко и съ какимъ-то гадкимъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Послушайте, Иветта! Кончимъ эту нелѣпую комедію, которая длится слишкомъ долго. Вы разыгрываете глупенькую дѣвочку и, право, эта роль вамъ не къ лицу. Вы хорошо знаете, что между вами и мной не можетъ быть рѣчи о женитьбѣ... но только о любви. Я вамъ сказалъ, что васъ люблю, и сказалъ правду, и повторяю: я васъ люблю. Не притворяйтесь же, что не понимаете меня и не обращаетесь со мной, какъ съ дуракомъ.

Они стояли въ водѣ, другъ противъ друга; она нѣсколько секундъ еще пребыла неподвижной, точно старалась и не могла проникнуть смыслъ его словъ. Потомъ вдругъ покраснѣла, покраснѣла до корня волосъ. Все лицо у ней залило яркой краской до самой шеи, а уши даже побагровѣли и, не отвѣчая ни слова, она поплыла къ берегу, работая изо всѣхъ силъ руками и ногами. Онъ не могъ нагнать ее и пыхтѣлъ отъ усталости, слѣдуя за нею.